

I 745651

АЛЕКСАНДР
РОМАНОВ

РАДУГА
ДНЕЙ

С Т И Х И

**АЛЕКСАНДР
РОМАНОВ
РАДУГА
ДНЕЙ**

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ
**РАДУГА
ДНЕЙ**

СТИХИ
И
ПОЭМА

Т 745651

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библотека
им. И. В. Бабушкина

P2
P69

P $\frac{0742-094}{106 (03)-73}$ 39P-72 «Современник» Москва 1973

ГРАНИ СУДЬБЫ

Стихи Александра Романова я знаю давно, может быть, с первых его публикаций в печати. Ныне он активно работающий поэт в том поколении литераторов, которые вступают в пору своей зрелости, щедро раскрывая свои литературные возможности на страницах наших журналов, издает книгу за книгой, радуя читателя новыми открытиями.

Детство их было опалено войной, молодость объединила институтские годы с годами восстановления и строительства в цехах заводов, на широких колхозных полях, на первых строительных лесах новых больших городов.

Поэтическое видение мира Александра Романова формировалось в краю, богатом народными песенными традициями, среди людей стойких и мужественных, в каждодневном труде обретающих уверенность в себе. Неброская, но прекрасная природа русского севера с могучими лесами, медленными реками и просторными озерами, с полями, отвоеванными предками у лесов, вопла в его стихи естественно и прочно.

В лучших стихах Александра Романова она присутствует всюду в гармоническом сочетании с человеческими характерами, для которых она является не просто фоном или средой, а может быть, даже учительницей жизни, учительницей прекрасного в жизни.

Внимание к простым, но волнующим подробностям, детальное восприятие, точность выбора слов в описаниях в лучших стихах Александра Романова по достоинству оценит любитель поэзии.

С публицистической остротой, ощущая современ-

ность дня идущего, определяет свою поэтическую позицию Александр Романов.

Мы — как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершинной,
Комлем уперлось в село,
Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю —
И вершину, знобит.

Это стихи глубоко личные, сопрягающие психологические грани человека, крепко связанного с деревней, но ставшего горожанином, и, как знать, только ли у одного автора стихов в нашей стране, ставшей за короткое время промышленной городской державой, эти грани сталкиваются в душе.

В духовном строе людей, в образовании грани между городом и деревней давно стерлись. Сельская интеллигенция, партийные работники, колхозники, управляющие техникой, — герои стихов Александра Романова — интернационально мыслящие, пытливые и деятельные люди. Повседневная их забота о своей колхозной деревне, о родных полях и холмах, на которых они выросли, любовь к ним, на мой взгляд, не входит в противоречие с большой, главной заботой о процветании отечества, потому что эти поля и холмы являются местом применения их творческих и физических сил во славу и благополучие всей страны.

Поэт пристально вглядывается в обыкновенную жизнь, в трудовой уклад ее, в «простые каждодневные заботы о хлебе, об уюте и тепле». Объемное воспроизведение мира достигается им простыми, на первый взгляд, средствами, но даже в одной строке заключается целая картина.

Чистые по форме и ясные по выраженной в них мысли, стихи Александра Романова сочетают фольклорные традиции с литературными.

Современность — главный герой его поэзии, на ней сходятся и завязываются в прочный узел и любовь к истории родного края, и гордость за свершения дня идущего, и мечты устремленного в будущее человека труда, творчества.

Сергей Орлов

1

МАТЬ

Домой, в деревню, издалека
Катил я чуть не с бубенцом.
И мать отпрянула от окон
И мне навстречу — на крыльцо.
Вдруг от досады сердце сжалось,
Как вспомнил, что с собой привез:
Лишь кое-что, лишь только малость,
А ей и это всё — до слез.
А ей и это вроде лишка:
Мол, у тебя своя семья,
Порадовал бы ребятшек,
А мне зачем, а я — сама.
Ее слова тоской особой
Отозвались в моей душе.
Вдругóрядь, может, сделал всё бы,
Да будет незачем уже.
...Сидела в старом сарафане
Вся из печали и любви.
«Чего ж повымерзли так рано,
Сыночек, волосы твои?»
И тихо гладила рукою
По голове моей седой,
И стало чуточку спокойней
Под материнскою рукою.
И отвечать уже не надо,
А все, что надо, в этот миг
И с полуслова, с полувзгляда
Она постигла, я постиг.

ПОЛОТЕНЦЕ

Из кошника в сенцах
Лицо я умою.
Возьму полотенце
У мамы льняное.
Возьму полотенце
Старинной работы,
А вот утереться
Все медлю чего-то.
Я знаю, я помню
Отчетливо смалу,
Как мама с любовью
Его вышивала.
Грустили и цели
У ней в поединке
На полюшке белом
Крученые нитки.
То крестиком — ловко,
То нежно — овалом
И пряха-молодка
На льне оживала.
В кокошнике ярком,
В цветном сарафане
Тоскует за прядкой
И ниточку тянет.
И русскою вязью,
Узорной, как листья,
Подметано ясно:
«Пряди, не ленися».

...В заботах, в тревогах
Далеко от дома
Мотают дороги
Меня, уж седого.
С разгона, с размаха
Дни мчатся за днями,
А строгая приха
Все ниточку тянет.
И на небе светлом
Все кружится солнце,
Как будто бы это
Ее веретенце.
Взгляну я на дали,
Взгляну я на выси
И выдохну тайно:
«Приди, не ленися».
И с радостным сердцем,
Устав от разлуки,
Уткнусь в полотенце,
Как в мамыны руки.

ЗА САМОВАРОМ

Добро сидеть за самоваром
И пить из блюда не спеша.
Поет, горит, исходит жаром
Его славянская душа.
И сердцу вроде бы полегче.
Оно болит уже давно,
И разрядить его лишь речью,
Лишь откровенностью дано.
И не удержится хозяйка:
Как на духу, в один присест
Пришедшей гостье без утайки
Откроет все, что в сердце есть.
И та припомнит горький опыт,
И хоть сидят они вдвоем,
Вдруг перейдет на полушепот
И тоже, тоже о своем.
Вадохнут, друг друга утешая,
И слезы вытрут не тая.
Свою заслонит боль чужая,
Чужую боль смягчит своя.

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

— А ну садись-ка, Павла, к чаю!
— Да что вы, посижу и тут.
Вот знаю, как вас величают,
А не припомню, как зовут... —
И смотрит на меня с прищуркой.
А тетка шелчет ей опять:
— Да Олександром. Раньше Шуркой.
Он все в ученье — негде знать. —
Гляжу, она к столу садится.
— Ой, Шура, память — что дыра.
Уж не тебя ли этой вицей
По кой-то год в гумне драла?.. —
И мне забавно вспомнить это.
Я Павле говорю:

— Меня...

Мы там покуривали летом,
Боялись тяткина ремня... —
И вот уже смеемся вместе
Над тем, что было так давно.
Ее нора и наше детство
В одно застолье сведено.
— Гляди-ко, стал какой разумный! —
Качает Павла головой. —
А и тогда была резвуньей,
Какой была я молодой! —
И, что-то вспомнив, замолчала.
— Была и вправду соловей!
А ныне девки — что чучавки

С худым снопом на голове.
Павьют кудрей, как мотовилом,
Как косоватым батожком.
А платья — господи помилуй!
И ходят все шажком, шажком!
Встревает тетка:

— Шу так, Павла,

Другая ныне и еда.
Мы из муки ржаной, бывало,
Заварим кашу иногда.
Горшок — не охватить руками —
Сперва ошпарим кипятком,
Да из загнетки красный камень
В него закатим кувырком.
Да со сметаною брусницы
Надавим в плошке через край —
И ешь, да чтоб не подавиться,
Ты вразумительно глотай.
Вот это каша-повалиха!
Поешь ее, ржаную, всласть —
Глядишь, и в дрему повалила,
С нее и силушка бралась.
Да, все бывало, все бывало... —
И так мы долго речь ведем.
И вот уж спать уходит Павла
В руке с нугливым фонарем.
И тетка мне готовит ложе
В углу, в котором лик святой.
— Хоть ты и служащий, но все же
Ложись-ко к богу головой... —
Я улыбаюсь безотказно,
Ложусь и не могу я спать.
И вспоминается мне фраза:
«Он все в ученье — негде знать».
Да ведь и правда: жил годами
В больших и разных городах,

А приезжал в деревню, к маме,
То все как будто второпях.
Да я ль такой! Валили валом
Мы все дорогою одной,
А эти Дарьи, Марьи, Павлы
У нас ломили за спиной.
А кое-кто с высокомерьем
Пас попрекал, застав врасплох,
Крестьянским корнем и деревней,
Как будто этот корень плох.
И мы не то чтобы поверив,
Но по наивности своей
Стесняться начали деревни,
Ну, то есть наших матерей.
И, в отпуск приезжая краткий,
Панялив модные штаны,
На деревенские порядки
Глядели мы со стороны.
Гордись, не думали покуда
Того в ребячестве своем,
Что хлеб насущный, он — отсюда,
Отсюда — песни, что поем.
Смешная, право, вышла штука.
А что касается меня,
Еще отсюда и наука —
Глагол и вицы и ремня.
Теперь мы многое узнали...
Не дай нам бог, чтобы опять
Еще о ком-нибудь сказали:
«Он все в ученье — негде знать».

БОЛОТО

— Не ходи, Олѣксан, на болото,
Не ходи, дорогуша, один.
Неужели погнунуть охота
Посреди проклятущих лядин.
Там, голубчик, обманно и глухо:
Поглядишь — вроде кочка, а нет —
Голова волосатой старухи
Затрясется и спутает след.
Ты — к другой, ну, а кочка другая
Волосатей еще, пострашней.
Под ногами она заморгает
И задохнется от пузырей.
И назад ни за что не отпустит.
Стоя пойдет по болоту такой,
Что тебя не поддержит ни кустик,
Ни валежина под рукой.
И окажешься ты у хозяйки
Места гиблого, а она
На коряге сидит раскорякой
В тине вся, зеленым-зелена.
И волосья когтищами чешет,
«У» да «у» — головою трясет.
А увидит тебя — так и в клещи,
А когтищи-то синие — лед!..
Ну, не хвастай, что ты не пугливой,
Нынче все вы, безверные, так:
Вам и диво как будто не диво,
Вам и слово как будто пустяк

Нет, кормилец, а я не ругаю.
А пошто? Раз надумал — ступай.
Только, слышь, направляйся-то гарью,
Там погодней высылет край...

Мне всегда говорить с ней забавно:
Явь и сказки едино храма,
Вот опять приповадилась Павла
И пытливо глядит на меня.
Чтобы правилось ей, по старинке
Пред уходом сажусь на порог.
В золотистой и легкой корзинке
Пахнет родной теплый пирог.
Выхожу я из дома, как будто
Захожу в молодые года.
И шепчу про себя: «Здравствуй, утро!
Здравствуй, лес! Я вернулся сюда!»
А в крови растекается радость
Холодком и бодрит меня так,
Что от прежнего только остались
Разве кепка на мне да пиджак.
Вот и сосны по краю болота.
Кенка валится — так высоки,
Прошибают заоблачье с лёта,
Будто огненные языки.
И тропа истлевает. А дале
Только мхи и разводья вокруг.
Я ступаю несмело вначале
И качаюсь тревожно: а вдруг...
И робею, как древний язычник,
Среди этих просторов глухих.
Но — смотри — наплывает черничник,
Словно синяя туча на мхи.
Всюду ягоды в листьях-ресницах,
Как зрачки, и черны и влажны.

В них как будто бы полночь таится,
И хмелит от такой ворожбы.
Манят, манят, чаруют, чаруют —
И в тумане, как чару вина,
Я корзинку несу золотую,
А она синевою полна.
Где же выход из этого плена?
Я пугаюсь, и клонится день,
Уходя за леса постепенно
С шапкой солнца уже набекрень.
А куда ни шагну — всюду плавно
След уйдет из-под ног в забытьё.
Тут как раз и приномнятся Павла
И ужасная сказка ее.
Все, что дома напела старуха,
Оживает навязчиво тут.
Где безветренно, затхло и глухо,
Там и страхи извечно живут.
Начинаю кричать. Только голос
В этой зыбкой, коричневой мгле
Лишь взлетит и растает, как волос, —
И один я на целой земле.
Сроду чувства такого не ведал,
Не готова к такому душа.
И страшит, что иду я бесследно,
Словно тень на земле мельтеша.
А над ней небеса голубые,
Будто вечность, текут облака.
И душа замирает впервые
Оттого, что слаба и мелка.
Оттого, что я в жизни короткой
Так подолгу бездумно живу...
Ах, скорее бы чей-нибудь отклик,
Хоть бы встретить кого наяву!
И — вот жизнь! — в тишине полудикой,
Заставляя рвануться вперед,

Чей-то голос летит наутышкой.
Вьется в соснах, кого-то зовет.
И—туда, огибая разводья,
Я спешу — и уже изнемог.
Вижу, вижу — вон женщина бродит,
Издалёка белест платок.
Набруснит покрупнее черничин
И как будто из пригоршней пьёт.
Неизвестно, кого она кличет,
Может, пробует голос, поёт?
Я ее окликаю устало,
И она средь зеленых ветвей
Улыбается: так, мол, и знала —
Кто-нибудь да откликнется ей.
— Что, — она говорит, — заблудились?
— Заблудился, — я ей говорю. —
Проводи, — говорю, — сделай милость,
Чем могу, отблагодарю.
— Эх, — смеется она хитровато. —
Бабы сироты, смотри, нележки.
Не прожить вам без нашего брата:
Всё плутаете вы, мужики..
А глаза — только вскинет ресницы —
И уже не уйти от судьбы,
А опять и гореть, и томиться
От веселой такой ворожбы.
Проводница глядит, торжествуя,
Я иду, будто пьян без вина,
И корзину несую золотую,
А она спешовую полна.

Ввышчиваясь в высоту упрямно,
Самолеты виснут над селом —
Будто бы серебряные сверла
Стружку выют в просторе голубом.
То гудят до звона, до надсады,
То затихнут вроде бы, и вдруг,
Словно выстрел, покачнет посадки
С высоты упавший звук.
...Дед с крылечка смотрит полусленно —
Он всю жизнь рубил, пилил, строгал
И сейчас дивится вслух: «А небо —
Видно, тоже крепкий матерьял».

АННА

- Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята...
— Стой же, постой!
— Недосуг сейчас... —

Но покраснелась от разговора.
Анна была, как сказали б у нас,
«Будто бы свежая помидора».
Полею пошла, где желтеет стерня.
Лугом, где в грязь стожары увязли...
Долго метался в глазах у меня
И повлажнел платок ее красный.
Вспомнилось детство перед войной:
В каждой избе у нас многолюдство.
Сядем за стол перед чашкой одной —
Ложки, что птицы, дружно несутся.
Мать поутру испечет каравай,
Кликнет, и сыплемся мы спросонья.
Только ломти успевай подавай
С луком зеленым да крупной солью.
Выросли мы на хлебах простых.
Как это было давно и шумно!..
Тихо теперь. Лужайки пусты —
Всю обошел деревню большую.
Странное дело: богаче живем,
А малодетнее стала Россия.

...Птичьими кликами, ветром, дождем
Теплая ширь голосила, просила.
Травы вскипали из-под земли,
Будто вздыхала она, как живая.
В яростной пене реки текли,
Льдинами даль до морей проливая.
А березняк поднебесье расшил
Тонким, что кружево, белым узором.
Вся эта хмелем повитая ширь
Полнилась зовом, наполнилась зовом.
И вспомнилась Анна опять:
Вот она — будто перед глазами,
Русская женщина, добрая мать.
Как хорошо она мне сказала.
— Сколько детей-то, Анюшка?
— А семь!
— Вроде бы, Анна, и многовато.
— А белого света хватит всем,
Да и теплее, когда ребята

СЕНОВАЛ

От века своего отстал —
И в позабытости покойся..
Давно дряхлеет сеновал,
Отжатый ельником с покоса.
Он в землю врос, как бы усох,
И стали темными тесины.
По ним плывет, сверкает мох,
Как будто пена с губ лосиных.
А перед входом, краснобров,
Куст иван-чая жарко кружит.
Как будто кто сюда забрел,
Развел костер и ладит ужин.
И в самом деле кто-нибудь —
Или грибник, или охотник —
Заночевать иль отдохнуть
Сюда, случается, заходит.
Шумит вершинник в тишине,
И шебаршат кусты под крышей,
И бревна тяжкие в стене
Печальный шум и шорох слышат.
Заметы тайные на них
Живут в зарубках и затесах
О краснозорных, огневых
И сарафанных сенокосах.
Лишь только ты прочесть сумеи —
Немало помнят эти стены:
Раздул страды, и храп коней,
И хмель бушующего сена.

И в тканом пологе, в ночи,
Когда звезда у изголовья,
Любви стеснительный зачин
И праздник смуглого здоровья.
А утром чуть стыдливый взгляд,
И два следа, плывущих вместе,
И две косы наперехват,
И в каждой вковано по песне...
Уже все это позади.
Но ты, коль выпадет дорога,
Сюда зайди и посиди,
По ничего зазря не трогай.

ПОЛЕ

Комбайн ушел, но звук еще дрожит,
Еще дымком его усталым веет,
И поле обмолоченное ржи
В недоуменье и вздохнуть не смеет.
Соломы копны теплые на нем
Неровными рядами замирают,
Как на огромном на поду печном
Забытые хозяйкой караван.
И две березы белые спеят.
Не видные порой в ржаном раздолье,
Сейчас открылись вдруг до самых пят —
Как выросли они на чистом поле!
Я к ним иду. Ступать неловко мне:
Воистину святое это место.
И что ни шаг по золотой стерне —
То в молодость бесхлебную, то в детство.
И я готов заплакать, но держусь
И трудно понимаю, что со мною.
Беру зерно и пробую на вкус:
Как сладкий солод, мне зерно ржаное.
Беру щепоть земли из-под корней —
Холодный тлен и дух непостижимый —
А хлеб, и жизнь, и синева над ней,
И двух берез зеленые вершины.

У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла,
И как огромна Россия,
Впервые теперь поняла.
Меж матерью и меж ними
Впервые с недавних времен
Стал самым необходимым
Чужой человек — почтальон.
С утра побредет из деревни
На почту один по снегам,
А мать готова поверить,
Что он уходит к сынам.
Что он дойдет непременно
(День целый — да это год!)
И в сумрачную деревню
От них письмо принесет.
...Окно застилает дымом,
С чего бы — ей не понять.
Идет почтальон, но мимо,
Идет, но мимо опять.
И надо себя пересилить
И браться вновь за дела...
У матери старой три сына —
Всех на ноги подняла.

ПЕТУХИ

До обалденья молоды,
До хрипоты лихи,
Отчаянные головы
Гуляют — петухи.
Идут, как предводители,
Бубонят что-то вслух
И смотрят очень бдительно
За стаей молодых.
Один из них на улице
Лишь зернышко найдет,
В кругу подруг красуется
Да и чужих зовет.
А те — вот окаянные! —
Бегут: была беда.
Не чтут уже хозяина
И своего гнезда.
По тут, крылами прядая,
Вскипая от обид,
Соперник рыжим пламенем
Лужайку опалит.
Как будто взрывом брошены,
Взметнутся в синеву.
И красные горошины
Посыплются в траву.
Замрут потом и с поровом
Расходятся, не враз,
Скосив в чужую сторону
Грозой малитый глаз.

И вновь с осанкой гордою
Порхают там и тут
И, сев на огородину,
Поют, да как поют!
...Дымлю я папиросою,
И мне их очень жаль:
Сверкнет над ними осенью
Отточенная сталь.
А им того не чается,
Что жить до октября.
На гребнях их качается
Веселая заря.

Судьба не сладкая — вдовья,
На праздники не красна,
А понеделньников вдоволь
Для матери припасла.
Мать сеяла хлеб и жала,
Не думала о себе:
Одна осталась большая, —
Всё маленькие в избе.
...Какие года пережили!
И шутит грустно она:
«Теперь все стали большими,
А маленькой — я одна...»

СМОТРЮ ОПЯТЬ...

Смотрю опять, как в синеве дремотной
Окошки проступают все жарчей
И долго наливаются, как соты,
От близкого дыхания печей.
И слышно, как тропа морозно вьется
И как ведро по холоду плывет
Веселое — до самого колодца,
Спокойное — обратно до ворот.
Мать окликает у крыльца кого-то,
Спешит навстречу в тихой полумгле...
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте и тепле.
И в поисках судьбы, чем эта, ярче,
И мудрости, чем эта, поновей
Уходим мы решать свои задачи
От чистых речек и ржаных полей.
И чем смелее мы берем высоты,
Тем беззащитней тянут нас к земле
Простые, каждодневные заботы
О хлебе, об уюте и тепле.

ЗИМНЕЕ УТРО

Поленьями ольховыми
Похрустывает печь.
Как благодатно с холода
Кофтенку сбросить с плеч!

И вот в сиянье жарком
Она полунага.
Шипя, летят огарки
Стрекозами к ногам.

Их венником сметает,
Чтоб ноги не обжечь,
И шаньги на сметане
Начинает печь.

На окнах иней розовой:
Видать, заря встает.
Пропели рядом розвальни
И встали у ворот.

И вот уж двери настужь,
И на пороге — он.
Смеется: «Здравствуй, Настя!»
И делает поклон.

А от порога катится
По половицам пар
К босым ногам красавицы,
Как белый-белый шар.

И всныхивает девушка,
Не смея поглядеть.
Кофтенку сразу — где уж там! —
Успеешь ли надеть.

— Да что ж ты, Настя, причешься?
Ведь я к тебе — навек! —
И ша лицо горячее
Летит с ушанки снег.

СТАРАЯ БОЛЬ

Всем сказал я до свиданья
И, не связанный ничем,
Ехал в тихое слянье
Белых северных ночей.
Думал я: испью водицы,
Той, что пробовал не раз,
Над которой наклониться —
Щеки мне обдаст,
Глубью черной и студеной
Опахнет из родника
И пронзит всего со звоном
После первого глотка.
Вот тогда-то мне и станет
Легче, проще и ясней...
Добрый вечер, домик старый
С родником у тополей!
Вот и вышло воротиться...
В нем один брожу-брожу,
Красна, пыльную божницу
По углам я нахожу.
Ржавый серп, трепало, прилку,
Крюк железного светца...
Нет, мне этого не жалко,
Жалко деда и отца.
Жалко материнских весен
Пролетевших... догони!
Где же весны, сердце спросит,
Кто ответит — где они?

День-другой брожу и чую:
Нет, не легче, не ясней.
И вода уж не врачует —
Прежней силы нету в ней.
И тоски не пересилить
В серой дедовской избе...
Добрый пасечник Василий,
Я онить иду к тебе.
Слышу: в кустиках знакомых,
В стороне от глаз чужих,
Каждый луч среди черемух
Жаркой пчелкою жужжит.
Вижу: пчелы, искрометно
Пролетая синевою,
Золотые нитки меда
Тянут с солнца самого.
Ты, ей-богу, возникаешь
Из черемух и берез,
Мой советчик и товарищ,
Душу видящий насквозь.
И неопытную пчелку
Выпростав из бороды,
Обнимаешься неловко
Ты со мною, как родным.
И уводишь в тень густую
На скамеечку в саду.
Говорю, что я тоскую,
Места дома не найду.
Ты молчишь, молчишь вначале,
Режешь мякоть спелых сот,
А потом уж отвечаешь,
Со своих взглянув высот:
— Ну, тоска... Не раз бывала
От ушибов и обид.
Это. возраст перевальный,
Это старое болит.

Парень, ох, оно живуче,
В нем такая глубина.
Вот тебя тоска и мучит:
Дела требует она...
Улыбаешься: не бойся
Никакой вовек тоски! —
И суешь мне на подносе
Солища желтые куски.

ХОЗЯИН

Завидую хозяину:
Грибов поел — и сыт,
Прилег — уже хранит,
А встал — и свежий заново.
Возьмет топор отточенный
И вновь пойдет пешком
Рубить кому-то дом
И все такое прочее.
В одном себе уверенный,
Уже давно старик
От слов пустых отвык
И от пустых намерений.
А я лежу, ворочаюсь
И слышу ровный храп.
Ну, молви он хотя б —
И ночь была короче бы.
Но утомленный бременем
Работы, а не слов,
Не слышит он часов —
Он не страшится времени.

ДОЖДЬ

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь,
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Понадают головки льна.
Ни просвета который день.
И, как стадо рыжих коров,
Что отбилося от деревень,
Спят комбайны в поле сыром.
Дождь, дождь, дождь...
Председатель, взглядом тяжел,
Уронил кулаки на стол.
В пору водку хлестать со зла.
Рожь! Какая она была!
Он, от радости сам не свой,
Потонув в ржаной глубине,
Сколько раз отдыхал порой
На сухом васильковом дне,
И катились над головой
Шумно, мягко волна к волне.
А потом уходил туда,
Где цвели и плескались льны,
Синие-синие, как вода,
Как, верней, живая вода
Нашей северной стороны.
Лишь испить бы чаши полей,
Эти синие чаши, до дна,
Стали б руки еще сильней

И повыпрямилась спина.
Дождь, дождь, дождь...
Одному сидеть невтерпёж.
Пу-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Поет сердце — в поля, сквозь дождь!
И машина летит, рыча.
Речка, лужа — не разберешь,
«Газик», старый друг, выручай!
У бурлящих, вязких борозд
Он бросал и курил опять,
Словно горечью папирос
Горечь сердца хотел унять.
«Ничего, — говорил он ржи,
Ну, а может быть, сам себе, —
Ничего, только ты держись,
Не такое было в судьбе!
Ничего, — говорил он льнам,
Ну, а может, себе опять, —
Ничего, приходилось нам
После всяких дождей вставать!»
Пу-ка, «газик», не выдавай,
Ну-ка, «газик», газу давай!
Темнота и морось кругом...
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтена,
Словно там металась огнем
Человеческая дуна.

Картошку девушка копает
Прозрачным вечером одна.
На ней кофтенка голубая —
Впервые, кажется, тесна.
И девушка не понимает,
А отчего она тесна.
Конать картошку неохота,
Но с поля все же не идет.
Вдали березы, словно соты,
Роняют в воду рыжий мед,
Роняют в дождевую воду,
Но и в воде не тает мед.
Она стоит, облокотившись
На вересовый черенок.
И каждый звук и запах слышен,
И сладкий тянется дымок.
Откуда он? От ребятишек,
От их костра плывет дымок.
И песни хочется негромкой,
Которой и названья нет.
И чтобы кто-то шел сторонкой,
Ее окликнул бы в ответ,
Ее окликнул бы негромко,
Но никого покуда нет...

РЯБИНЫ

За окошком рябины,
А в просветах ряби
Рожь крылом голубиным
Машет с ближних равнин.
На листьях, что в ладонях,
Тяжелее роса,
Словно ягод зеленых
Молодая краса.
Только ягодам рано —
Подожди, подожди:
Скоро прошвой багряной
Небо вышьют дожди.
С облаков серебристых
Легкой палкой опять
Будет женщина кисти
Огневые срывать.
Будто сгрудит в охапку
Догоревший закат,
Кисти пламенем зябким
Возле щек заблестят.
Самых крупных и самых
Спелых ягод возьмет
И за зимние рамы
Их насыплет вразлет...
Засвиристывают вьюги,
Но рябина опять,
Словно жаркие угли,
Будет в окнах мерцать.

Снега белые горы
Наметет там и тут,
Окна в красных узорах
Над снегами всплывут.
И среди этих окон
Будет вновь без конца
Возникать одиноко
Очертанье лица.

СЕВЕР

Умываюсь туманами севера,
Поднимаюсь легко на бугры,
И мне под ноги катятся клевера
Фиолетовые шары.
А заря, словно красная мельница,
Мне опахивает лицо.
Горизонт ушльвует и светится,
Как березовое кольцо.
В спелой ржи, будто вытканы, рышнты,
То возникнут, то пропадут —
Голубеют старинными крышами
Деревеньки и там, и тут.
Здесь моя деревянная вотчина.
Пусть я житель теперь городской,
А душе, кроме всякого прочего,
Позарез нужен край такой.
Не из тех я прохожих печальных,
Что заглянут на ночь одну,
И у вдов, умудренных печалью,
Ищут старую старину.
И хозяйки в домах удивляются:
Было время — просили кусок,
А теперь — то икону, то пряслицу,
То ручного тканья поясок.
И в цене не стоят — лишь скажите им,
Но теряются бабы тут:
Нет цены оценить пережитое,
И задаром все отдают...

Мне чего же искать, если родиной,
Старикой ее, повизной,
Существо мое переполнено,
Будто небо голубизной.
Все волнуется: и травы шумные,
Свет реки и тень камня.
Здесь опять невольно подумаю:
Что ж такое это — душа?
Не приемник с чувствительной силой,
Чтоб включить и настроить мог,
Не березовый лист, не осиновый,
Не старинный какой кузовок.
А поет, и грустит, и дрожит она,
И я думаю неспроста,
Что душа — глубина пережитого,
Пережитого высота.

Мы —
Как дерево ныне,
Что незаметно вросло
В город шумной вершиной,
Комлем уперлось в село.

Низко ли, высоко ли
Вытянулось в зенит,
Если холодно комлю —
И вершину знобит.

2

ТЕЛЕГРАММЫ

С годами я стал и впрямь
Встревоженно суеверным.
Теперь боюсь телеграмм:
А вдруг — из нашей деревни.
Там стынет родимый дом
Большой, неуклюжей лодкой,
Повернутой кверху дном
Возле рябины горькой...
А очень нравилось нам
Встречать почтарей когда-то.
Теперь боюсь телеграмм:
А вдруг от сына-солдата.
Ведь с той и с другой стороны,
Где он на рубеж поставлен,
Смертельно расчехлены
Запасы всемирной стали...
О дружбе твердил я сам.
Что нету прочнее круга.
Теперь боюсь телеграмм:
А вдруг — от старого друга.
Он что-то стал нездоров,
А жил — и в беде не хмурился.
Всегда у него меж слов
Лукаво таилась мудрость...
Пройдя сквозь горечь утрат,
Мы поняли запоздало,
Что мир так людьми богат,
А близких, в сущности, мало.

И как же хочется нам,
С годами многое выгнав,
Теперь читать по утрам
Лишь письма. Добрые письма!

АФРИКА

Расчерчена на графики
Голубизна высот.
Взлетает «ИЛ» из Африки
Пчелой из жарких сот.
И ушывает к северу,
Туда, где свысока
Предстанут белым клевером
Российские снега.
Скорее, ох, скорее же!
Ну, а пока внизу —
То горы, то побережья,
То нежная лазурь.
А то дорога гулкая
Туманом залита.
Но вот открылось Внуково —
Российские врата!
Ах, свежий воздух Родины!
Силет человек —
С ресниц слеза урочена
На этот милый снег.
И хоть в Москве старательно
Застольем окружен,
В деревню к старой матери
Рванулся все же он.
В глазах умылась Родина,
А снег и бел, и яр
Высвечивал смородиновый
Тропический загар.

И мать навстречу — ахоньки! —
Припала головой.
Приехал сын из Африки —
О господи! — живой.
О чем не передумала,
Когда печаль да грусть?
Земли название трудное
Учила наизусть.
У ней самой-то смолоду
Вот здесь сошлись пути.
Из городов лишь Вологду
И видела, поди.
А дети!.. Будто стала им
Мала земля своя.
Теперь дороги дальние
Взлюбили сыновья.
...Не плачь! Налей по махонькой
За встречу, за успех!
Смотри, какой из Африки
Кокосовый орех.
И сын раскрыл диковину
Привычно и легко,
В которую заковано
Густое молоко.
И мать взяла: ах, пахнет как!
Держала, как яйцо,
Дышала прямо Африка
Ей в русское лицо.
И, чуточку отпробовав,
Глядела с-под бровей
И отстранила, гордая:
«Нет, наше повкусней».
А сын сиял, рассказывал —
Ну точно как она
Ему же сказки разные
Когда-то допоздна.

...В окошке дни истаяли —
Уехал сын опять.
Себя, как прежде, старую
Почувствовала мать.
Пальет лекарств из шкафика —
И сразу будто в тьму
И снова снится Африка
В заснеженном дому.
За елками, за соснами
Все видится ясней
Большим — с лупу — кокосовым
Орехом средь морей.

УЛИЦЫ

Смотрю: подружки городом
Молодо летят.
Платья с модным воротом,
С ознобом взгляд.
Робеют парни многие.
Держатся в тени:
Артистки филармонии,
Быть может, они?
У кассы подружки
В толпе девчат:
— Здравствуй, Нюшка! —
Третьей кричат.
В веселой давке
Плывет билет.
— Ой, Лидька, Емавка,
Поклон, привет! —
Сразу раскололась
Скрытность вся:
Вызвенели колосом
Голоса!
А рядом льются улицы,
Идти легко.
Смотрю: сутулятся
Старушки у ларьков.
Бери — чего короче бы,
Но, что ни говори,
Чувство очереди
В крови, в крови.

Топтать ногами время
Навыкли с горьких пор.
— Ты, Павла, остарела. —
Слышу разговор.
— Да ведь секрет забота,
Весь век в гуже горю,
А у зытька вполрота
Теперь говорю... —
И вновь защемило
Чем-то таким
Давним, милым
И дорогим.
А город кружится,
Сердце раздвоив:
Льются, льются в улицы
Деревни мои.
С горизонтом вровень
Уже встают — взгляни!
Как мехи гармони,
Растянуты они!

Ты неожиданно и негаданно
Решила, как всегда:
«Говорят, красивый Кадников —
Поехали туда!»
Песни девичьи расплескивал
Автобус поутру
За полями, перелесками
На молодом ветру.
Все привычное, усталое,
Мешавшее нам,
За автобусом оставлено
По разным сторонам!
Я в глаза твои заглядывал,
Своих не отводя.
И когда тебя разгадывал,
Разгадывал себя...
По дороге по укатанной
Легко из-под горы
Мы влетели в город Кадников,
В зеленые шатры.
Ты смеялась очень молодо,
Споткнувшись второпях.
И шатались мы по городу,
Где яблоки в садах.
Ах, в Кадникове яблоки!
Попробуешь раз —
Как будто озябнешь,
Прищуришь глаз.

В холодных росинках
Яблок любой,
С горчинкой, с кислинкой,
Как наша любовь.
Мы малиной сластили
Яблоки там.
Малина ливнем красным
Стучала по кустам.
И мы в зеленой заводи,
Где славно отдыхать,
Бродили, взявшись за руки,
Счастливые опять.
И мы решили загодя:
Чуть что — скорей туда,
Где в яблоках и ягодах
Такие города!

УРОКИ

Жену обидеть — выхолодить дом
И самому обогреть потом.

Обидеть друга — друга потерять,
Умножив без того число утрат.

Обидеть мать, которая любя
Тебя вскормила, — потерять себя.

НОЧНАЯ СКАЗКА

Всю-то ночь то сильнее, то тише
Под неровным и теплым дождем
Снова пела тесовая крыша,
Как певала и в детстве моем.
Я дремал или спал — сам не знаю,
Только капли в пространстве почном
Разлетались по зыбкому краю
Забытья между явью и сном.
Сладко пахло шуршащее сено,
Притворившись зеленой травой.
И дышал мой сынишка блаженно,
Прислонившись ко мне головой.
И я чувствовал: спи ему смятся,
И он видел себя наконец
Не мальчишкой с проклятым румянцем,
А мужчиной большим, как отец.
Ну, а мне на родимой повети
Все казалось, что сам я еще
Не усталый, сорокалетний,
А мальчишка с румянцами щек.
До чего же легко обмануться,
Если сказки захочет душа!
Вместо струй уже ткутся и вьются
Золотые волокна, шурша.
И тогда в глубине, в отдаленье,
Непонятный прорезался звук,
Размыкая во мне все сильнее
Сна и яви замкнувшийся круг.

Я очнулся. Прислушался: что же?
Гром — не гром, но все ближе растет,
И колеблется крыша от дрожи.
Догадался: ночной самолет.
Промахнул над разбуженным домом,
Над старинным покоем лесным,
И бурлил, словно омут огромный,
Звук державный, летевший за ним.
Быль и сказка сменились местами,
И заснуть я уж больше не мог.
Ну, а сказку сынишке оставил:
Мне она и не в срок и не впрок.

ТРИ ЛЕТА

Со мной ли это было? Да, со мной.
Пылало лето широко и жарко
И колесом ромашки золотой
Катилось мимо окон по лужайкам.
Мы шли в леса. А в них, как желтый зной,
Тянулась к нам сомлевшая морошка.
А над морошкой тенью грозовой
Плыла черника на зеленых ножках.
Ватажные, не знали мы забот,
Драчливые, не ведали мы тягот.
И это лето в памяти встает
Большой корзиной самых свежих ягод...

Со мной ли это было? Да, со мной.
Стихает город будничен и жарок,
А я иду в рубашке голубой,
По-деревенски спиной для гулянок.
А я лечу в студенческий приют —
В барачный дом, оцепленный мостками,
В котором однокурсницы живут,
И к ним лишь комендантша пропускает.
В дежурке за любовь я постою
И злую комендантшу одолею,
И солнечную девушку свою
Вновь уведу в кленовую аллею.
Веселые, мы выйдем из ворот,
Счастливые, куда, не знаем сами.
И это лето в памяти встает

Ее большими серыми глазами...
Со мной ли это было? Да, со мной.
Гремело лето и сверкало грозно,
И на могучей на волне ржаной,
Как лилии, качало ночью звезды.
Нам наконец-то было все дано:
И радуга в свеченье мокрых красок,
И сети, уплывавшие на дно,
И сладкий дым, тянувшийся от пасек.
Солидные, мы грелись про запас,
Серьезные, пеклись в траве нагретой,
И этим летом с грустью в первый раз
Мы вспоминали прежние два лета.

ЕЛЬ

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой
И, вершинку опалив о звезды,
Накрепилась темною пургой.
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать,
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе вычертив кривую
И последнюю черту.
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрее,
Все ниже,
Ниже,
Понимая,
Что не выжить...
Вот уже подлесок,
Мох,
Кочки
И —
Тяжелый вздох!

Свои раздумья темный лес
Высоким слогом выражает.
Могучий ямб родился здесь,
И вял ему старик Державин.

Была таинственная связь
Лесов с душою человеческой.
Она давно оборвалась,
И стали разными наречья.

Но всякий раз чащобный вид
И шум раскатистый тревожит.
Душа внимает и дрожит,
Но этот шум понять не может.

ПРОСЕКИ

Шиповник пялится вразброс
На желтизне лесных прогалин.
Его плоды среди берез,
Как пули красные, застряли.
Свежо и тихо на душе.
Иду по скошенному краю
И здесь с улыбкою уже
Своих знакомых вспоминаю.
Бывает, встретишь и не рад:
В глазах у них мелькает жалость.
«Как постарел», — мне говорят,
И я как будто извиняюсь.
Так заявляют прямо мне,
Что словно бы и в самом деле
Лишь только я и постарел,
А вот они помолодели...
А здесь никто не попрекнет:
И ни береза, ни осина.
Иду — и трость моя вразлет,
И на ремне скрипит корзина.
Вон вижу — белый гриб один
Стоит себе под хвойной крышей,
И, как пузатый господин,
Он распахнул тулупчик рыжий.
Я — на колени перед ним:
А ну, иди сюда, голубчик,
И чтоб остался невредим,
Я подбираюсь под тулупчик.

А рядом — что там за сосед!
Обабок, голенький и чистый,
Дивясь, глядит на белый свет,
Забыв стряхнуть со шляпки листик...
И в наутинках день плывет,
От синевы и чист, и ярок.
Летит высоко самолет,
Но выше — маленький комарик.

РУБИЛИ ДЕРЕВО

Стояла ель. В лесном пределе
Стройнее не было ее.
И солнце колоколом пело,
Задев порой за острие.
Она ветвилась в два обхвата,
Совсем не чуя мужиков.
В два топора такую надо,
В два топора — наказ таков.
Рубили дерево, рубили
Два здоровенных мужика.
И брызги, будто бы дробины
Свистели около виска.
Добра, крепка попалась елка,
Хотели сразу наповал,
Но из подруба как из щелки,
Огонь, казалось, вылетал.
На хвойных лапах — гнезда, гнезда
И верещание птенцов.
Но сталь дробила в два нахлеста
Кольцо, кольцо, еще кольцо.
И что кольцо — уже усталость,
И что колечко — белый свет.
И мужикам уже казалось,
Что этим кольцам счета нет.
Но наконец-то сердцевина.
И ель завьюжила, да так,
Что посинел от страха, хлынул,
Давя друг друга березняк...

Пошли за лошадью. Инэша,
Кочкарник хлябкий на пути...
И только тут сообразили,
Что дерево не увезти.

ТЕТЕРЕВ

Он только это запомнил:
Споткнулся о что-то с разбега,
Не зная, что это ладони,
Ладони доброго человека.
И только тогда поверил,
Что с ним случилось неладно,
Когда озябшие перья
Кто-то тепло разгладил.
Он так и замер от страха,
И сунулся в кипень снега,
Не зная, что это рубаха,
Рубаха доброго человека.
Звенели по насту лыжи,
Визжали на поворотах,
И он над собою слышал:
Ругал человек кого-то.
И вот, озаренный светом,
Он ринулся в тень неловко,
Не зная, что печка это,
А не старая елка.
Ему человек в охапке
Наваливал веток к почви,
Где много влажных и сладких,
Пахнущих лесом почек.
А вскоре ранью белесой,
Когда на озера окон
Заря потекла из леса
Подснежным клюквенным соком,

Он крылья раскинул натужно,
Почувя снова здоровье,
И красными полукружьями
Затренитали надбровья.
И шея зобом набухла,
И рябь прокатилась шеей,
И что-то забулькало глухо,
Потом все гуще, слышнее —
И вот поплыла из окошка,
Пугая старух суеверных,
Тоскливая песня терешки
Над всею сонной деревней.
Он вспомнил рассвет, и ельник,
И отклик ему понятный,
И то, как черкал соперник
Крыльями снег примятый.
И все, что было когда-то,
Вновь волновало душу...
А человек на кровати
Сидел одиноко и слушал.

Над речкой тихой и лесной
Занела утренняя птица.
Как будто брызнуло росой
И освежило наши лица.
Туман прорезали ясней
Осоки выпутые сабли...
Ты говоришь мне: соловей!
Нет, говорю я, это зяблик.
Хлопочешь около огня —
Береста от росы намокла —
И с недоверьем на меня
Глядишь сквозь синие волокна.
Куда ж девались соловьи? —
Меня ты спрашиваешь взглядом.
Ну что сказать?.. Глаза твои,
Твои глаза, они-то рядом...
Толкаем лодку и — вперед!
Держать мы весла не ослабли.
И чуть печально вслед поет
На одинокой ветке зяблик.

Береза — в утешенье.
 Рябиша — в украшенье.
 Лишь елка одна
 Для дела годна.
 Поскольку ты ядреная —
 Ложись-ка в стены
 бревнами.

Поскольку терпеливая —
 Давай вставай
 строилами,

Поскольку высока —
 Глянь тесом в облака!
 Куда уйти от участи,
 От этой неминуемости —
 Илывает над лесом шум.
 Приходится ей мучиться
 От невеселых дум.
 Но хорониться по лесу,
 Как злой крушинник,
 понизу —

Характер не тот.
 Под грозами,
 под ливнями
 Не гнется, терпеливая,
 До солнца растет.
 И смотрит на деревья,
 И думает про то:
 Ну, кто же в деле верном

Ее заменят, кто?
Береза — в утешенье,
Рябина — в украшение...

Имена становятся отчеством —
 Это наши уже имена!
 Пусть достойно звучат —
мне хочется —

И в грядущие времена.
 И не просто так, по традиции, —
 Чтоб звучали, смысла полны,
 И могли бы ими гордиться
 Наши дочери и сыны.
 Ну, а если в пути далеком
 Вдруг споткнутся сами, то тут
 Пусть на миг неслышным упреком
 Эти отчества обожгут.
 Понимаю: право нелегкое —
 Ставить имя с другими в ряд —
 Все равно что между эпохами
 На виду, на ветру стоят.
 Потому мне сейчас и хочется
 Отработать свое сполна.
 ...Имена становятся отчеством —
 Это наши уже имена!

Влетела, как сквозняк, повестка —
И стало в доме холодней.
Тут посоветоваться не с кем,
Лишь только с совестью своей.

Все стало близко, что далеко:
Я вспомнил, глядя сквозь летá,
Как тенью в солнечные окна
С пакетом нарочный влетал.

И мой отец с печалью строгой
Мать обнимал и говорил:
— Ну что же, мать, собирай в дорогу,
Суши в дорогу сухари...

Ах, как мы поздно понимаем,
Что тают, будто снег, года,
Что ожидаемое нами
Так неожиданно всегда!

Уже и сын мой вырос к сроку,
И нам не легче, чем другим.
Ну что ж, собирай, жена, в дорогу,
Неки для сына пироги...

А он идет, как я, вразвалку,
Густые волосы — врассыпь.
И жалко мне — вот так, как жалко,
И гордо мне, что взрослый сын.

И знаю, что над домом каждым,
Лишь подойдет его черед,
Рассвет задумчивый однажды
С шинельным отблеском встает.

Дорога русской далью брезжит,
Трубит ветрами на лету
И там сливается, как прежде,
В одну железную черту.

3

РАДУГИ ДНЕЙ

Лишь я подумаю: а сколько
Людей ходило до меня
По этим тропкам и проселкам
Вот точно так на склоне дня,
Остановлюсь в тоске внезапной.
Немало было лучше нас.
Их волновал п хвойный запах,
И шум ручья в вечерний час,
И в эти синие пределы,
Где горизонт неуловим,
Подобно мне они глядели,
Пет, это я — подобно им.
Вступив под лиственные своды,
Томились в трепетной тиши
Перед величием природы,
Непостижимостью души.
...Ушли они, оставшись в тропках,
В дорогах, кои пролегли
Для нас не близко — не корóтко,
А до границ родной земли.
Не взяв ни камушка — не надо,
Ушли они, оставив нам
Сиянье дней в сто тысяч радуг,
Как мы оставим сыновьям.
И если б думали мы чаще
Об этом в быстрой смеле дней,
То были б в жизни настоящей
И помудрей, и поскромней.

ПРЕДОК

Кто он был? В каком таком обличье?
Он стоял на фоне синевы,
И сквозило что-то необычное
В повороте смелой головы.
Что-то в нем былинное сквозило:
Вот поднял он руку, застя свет, —
А в руке буграми ходит сила,
Все он может, стоит лишь посметь.
Вот рукою, чтобы не торчали,
Он поправил волосы слегка —
И уже задеты печально
В небе закачались облака.
Он — один. И никого здесь кроме.
Сам себе пока слуга и князь.
А вокруг леса. Синеют кроны,
Что курганы, в небе громоздись.
Он развалит синие курганы
И достанет клады, а потом
Эти клады чисто остругает
И отешет ярим топором.
И тогда он явит миру золото,
Хохоча от щедрости хмельной,
Рубленое, пленое, колотое,
Пахнущее соком и смолой...
И пошел он, жилистый и кренкий,
Ельниками темными не зря —
Брызгали испуганные щепки,
Шлепались в озера и моря.

И где стыли сумерки сырые,
Как подвалы вековые, там
Снь и солнце хлынули впервые
Но его размашистым следам.

МЕД

Вновь на заре хозяйка
Меня к столу зовет:
— Ну, гостенек, вставай-ка —
Позавтракать черед.
А в чашке до закрайка
Опять желтеет мед.
Ах, мед! Янтарной глыбой
Морозно он огруз.
Зернист — к ножу не лишнет,
Не выворотнишь — густ.
То клеверком, то липой,
То яблоней на вкус.
Беру я понемножку,
Чтоб оценить сполна.
Сует хозяйка ложку
Серебряную — на.
Смотрю: узор хороший —
Из Устюга она.
— Да пробуй, пробуй, — снова
Хозяйка мне поет. —
Поди, не сл такого —
У нас на травах мед...
Уже само и слово
Так к языку и льнет.
Его я повторяю —
И в зимнее окно
Взаправду веют травы,
А с ними заодно

Славянские дубравы —
И жарко, и хмельно.
Меды в ковшах бродили,
И в дальних далях, там,
Садился князь Владимир
К дружине и гостям.
Меды во имя мира
Катились по устам.
Пылала песнь Бонна
Под чаши в горький год.
И эта песнь не вянет
Про Игорев поход,
Как дух густой, медвяный,
Из века в век плывет.
...Всего бывало вдоволь,
И многое ушло.
Но в каждом нашем доме
Всегда лежит светло
В посуде круг медовый —
Земли родной тепло.

ЕНЯ

В рябиновой нашей деревне
Легенды в заулках лежат.
Жил пахарь по прозвищу Еня
Здесь лет полтораста назад.
У старого Ени избушка
Косилась в четыре угла.
Ее называли вполаушка —
Настолько низка и мала.
Ударят ли градины хлестко,
Качнет ли поля недород —
Бывало, ему на полоску
Всех более лиха падет.
Все шишки летели на Еню.
Другой бы на месте его
Свалился давно на колени,
А Еня стоял, ничего.
Лишь с горести ковшик в полпуда
Осушит, достанет кисет
И крикнет: «А жить-то не худо,
Добро, что родились на свет».
...Уж трижды из елок из новых
Рубилась деревня с тех пор.
А Енино это присловье
Нет-нет и влетит в разговор.
Мы знаем: живали сильнее,
Покруче его мужики,
А на тебе — помнится Еня,
И не было вроде других.

А все объясняется просто:
Такие, как Еня, спроста
Веселую искорку бросит —
И светится искорка та.
И мы, не без легкой причуды,
Кидаем веселый ответ:
«А жить-то, ребята, не худо,
Добро, что родились на свет!»

ПЕТР ВЕЛИКИЙ

На острие речного склона
Сосна висела высоко,
Как будто колокол зеленый
С обронзовевшим языком.
И Петр велел гребцам причалить.
Без передыху взлез туда,
Где вровень с царскими плечами
Сянула хвойная гряда
И земляничным ветром дуло...
Он сел, разувшись на траве,
И государственная дума
Затяжелела меж бровей.
Деревни ближние окликав,
Собрали мужиков зараз
У той сосны, где Петр Великий
Сидел и пил холодный квас.
Столпились мужики тревожно.
А царь встает и говорит:
«Скажите, можно ли до Ковжи
Отсель самим реку прорыть?»
И отвечали: «Отчего же?
Как скажешь, царь, тому и быть.
Все можем для Руси, все можем —
Что турок бить, что речку рыть...»
Доволен Петр таким ответом.
На берег бочка сгружена —
И мужиков зовут отведать
За сговор царского вина.

Ох, и забористо цареву,
Хмельно бордовое вино.
Под стать вину цареву слово —
Оно и крепко, и красно.
Петр говорил, что краем здешним
Судам в столицу должно плыть...
Быть нелегко Петром, конечно,
Но мужиком не легче быть.
Уехал Петр. А здесь, в топине,
В лесах, где испокон веков
И тропок нет, трещали спины,
Как на Неве, у мужиков.
Пески сыпучи. Камни гладки.
И тяжек черный бурелом.
И это все — лопаткой-маткой
Да еще — батькой-топором!
Но шли, как на Руси обычно,
За мастерами мастера.
Их безымянное величье
Великим делало Петра.
О славе не радели предки,
Но лишь о них напоминал
Вплетенный в северные реки,
Как будто кружево, канал.
И даже вот преданье это
И то от них дошло до нас
О том, как Петр далеким летом
Пил под сосной холодный квас.

Как выстрел, грозное известье
 Скатилось в утреннюю тишь:
 «Вступают русские в Париж!»
 И сразу дрогнули предместья.
 Сшибались в панике повозки,
 Храпели кони на мостах...
 О боже! За пожар московский
 Они Парижу отомстят.
 ...Полки торжественно входили,
 И с высоты лилась, хмельна,
 На гренадерские мундиры
 Апрельская голубизна.
 — Да здесь, ребята, красно лето,
 Куда нас, братцы, занесло! —
 Шинели бросив на лафеты,
 Солдаты щурились тепло.
 И в том строю, причастный к славе,
 Перехватив ремнями стан,
 Летел в седле веселый, бравый,
 Российской службы капитан.
 Он счастлив. Он сейчас не помнит,
 Что в Петербурге знаменит,
 Что в тишине лицейских комнат
 Его певучий стих звенит.
 Он просто русский! Он в Париже!
 Он из Москвы пришел сюда,
 Чтоб нашу речь Париж услышал
 И чтоб запомнил навсегда.

Он видел много, понял много
И ничего не позабыл:
Ни бивуаки, ни тревоги,
Ни одиночество могил.
И он гордился, что в Париже,
Наветам гнусным вопреки,
Солдаты наши сердцем выше,
Чем безрассудные враги.
Здесь, перевязывая раны,
Врачуя давнюю тоску,
Солдаты гордо повторяли:
«Мы помним матушку Москву!»
В толпе мундиров, платьев, фраков
Блистал у парижанок взгляд
От остроумия казаков
И от достоинства солдат.
И он смотрел, как удивленно,
Они стояли, закурив,
Перед Трояновой колонной,
Перед решеткой Тюльери!
Он понимал, что здесь впервые
За много лет трудов и битв
Тенерь па мир глядит Россия
И на Россию мир глядит.

ПАМЯТЬ

За печальной с крестом калиткой
Иные бабкины единопворцы.
Память, будто светлая нитка,
Навита на живое сердце.
Хоть жила и грешно на свете.
Я храню о старушке память.
Больше некому. Знавших нету.
Ну, а если меня не станет,
Значит, нитка горько порвется
И в такие глубины канет,
Что поглубже любых колодцев,
Что темней любых океанов.
Эта мысль утешает слабо.
Скажем, с бабкой — дело простое:
Злой была и сварливой бабой,
Убиваться о ней не стоит.
А ведь жило в нашем Залесье
Много добрых людей, заметных.
Их не в сказке нету, ни в песне...
Нитка памяти, где ты, где ты?
Не отыщешь. Навеки скрыто
Все, что было здесь поначалу.
Значит, сколько в землю зарыто
Доброты, красоты, печали!
...Знать, не зря по весне дурманно
Полыхают луга и межи.
Вон у сумрачного кургана
Креп-трава розовато брезжит.

Если палец скользнул по бритве,
Болью зря себя не травите,
Креп-травы напарьте, глотните —
И не скатится ни кровинки.
Вон царевы кудри на взгорье,
Вон горлянки белой сиянье...
Это все от боли, от хвори,
Как о ком-то напоминанье.
Ну, а вон ползет на поляну
И теснит желтуха друг дружку.
На нее я с улыбкой гляну
И припомню... нашу старушку.

Зеленое и голубое
 Теплом провеяно насквозь.
 Исходит светом — глянуть больно —
 На деревенских крышах тес.
 И жизнь обычная, как солнце,
 Как небо, и трава кругом,
 То просверкнет и отзовется
 С колодца радостным ведром,
 То озарит на миг из кухонь
 Улыбкой женской широко,
 То онахнет горячим духом
 Величественных пирогов,
 То рассмешит мальчонкой малым,
 Бегущим просто голышом
 В траву, в кусты, куда попало, —
 Везде тепло и хорошо!
 И никого, хотя бы смутно,
 Не колет в сердце, что идут
 Уже особые минуты,
 И меньше, меньше тех минут.
 А мужики возле колодца
 Скликают баб на сенокос
 И, ожидая, как ведется,
 Толкуют в шутку и всерьез
 О молодушках и попутно
 О женах собственных, о том...
 Но тут последняя минута
 Обрушивает черный гром!

Война!.. Мы помним это, помним.
Вот он сейчас передо мной,
Такой доверчивый, зеленый,
Последний день перед войной.
Когда б заранее обозначен
Он был, то каждый бы из нас,
Конечно, жил мудрей, иначе,
Чтоб не казниться в горький час.
Увы! Такого не бывало.
И этот день уже давно
Сгорел за красным перевалом,
Но все равно, но все равно,
Лишь календарь приблизит время,
Смотрю: седые старики
Июньским вечером в деревне
Сидят, и взгляды их горьки.
И женщины, седые тоже,
Сойдутся где-нибудь к окну.
Их никому нельзя тревожить
Вот в этот горестный канун.
Я чувствую, как у России
Душа опять напряжена,
И, будто нерв, задетый сильно,
Пронзает мысль: зачем война?..
Зеленое и голубое
Теплом провеяно насквозь,
И так сияют — глянуть больно —
И крыши, и стволы берез.

ТРЕВОГА

Это было в деревне, которой нету,
Но в которую можно взглядеться,
Потому что деревня эта
Называется нашим детством.
Ветры теплые там разносили,
Чтобы людям радостно было,
Вечерами в сумерках синих
Дробный стук золотых молотилок.
И в кепчонки картошки ранней
Накопав, сухой, розоватой,
За деревней в легком тумане
Веселили костер ребята.
Это было счастьем, пожалуй,
Только кто понимал — едва ли.
И картошины, с пылу да жару,
Как мячи, на ладонях летали.
Был один среди нас всех старше,
Всех бойчей — Тихомиров Васька.
Говорили матери наши,
Что дружить с ним надо с опаской.
Без отца, без матери парень,
Без присмотра живет у тетки.
Вот и курит уже недаром,
Вот и шляется, рвет подметки.
Называли матери шалым,
Называли его баламутом.
Только Ваську зря обижали —
Это было ох как не мудро.

Васька нас удивлял смекалкой.
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка,
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских,
Как подарок, несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,
И сквозь зубы чиркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертом,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели,
Нам из дому не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы.
Ну, а Васька даже до школы,
А потом не спеша обратно
Брел за пять километров в холод,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,
А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки...
А потом... Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,
А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошкам и здесь шарахнул —
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.

И повестки с железным слогом
Полетели из сельсоветов.
Мужики, по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски.
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше, времени стал Васильем.
Он мотался с плугом на пашше
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем.
Только он все чего-то медлил,
Все стеснялся... И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним —
Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз вот такое с ними:
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —
Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали...
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.
Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы:
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых...

...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг заминка, и слышу с болью:
«Тихомиров? Васька? Не помню...»
Умирают солдаты дважды —
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,
Тихомиров Вася!

УЛИЦА АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Морозом изукрашенный,
Автобус бег сдержал.
— Остановка Яшина, —
Кондуктор сказал.
Я вздрогнул: память горькая
Не умирает век.
А за дверными створками —
Народ, дома и снег.
Все закружилось сызнова,
И встал передо мной
Он, очень трудно признанный,
Приехавший домой,
Держал красиво голову,
Годами умудрен.
Посмотришь — выше в городе
Всех на голову он.
Допытывал на родине
За стопкою вина:
— Что пишите, не врете ли?
Смотрите — жизнь одна. —
И взгляд — души окалина —
Горел, неотразим.
Мрачнел, когда лукавили
С трибуны перед ним.
Когда же в чьем-то голосе —
Забота, прямота,
Задорно светом полнился,
Орлинно взгляд метал.

Твердил он без усталости,
Что честная строка
Запомнится, останется,
Быть может, на века.
И шел он с редким мужеством
Сквозь маету утрат.
...Плывут снежинки, кружатся
И сердце холодят.

В ГОСТЯХ У ПАВЛА БЕЛЯЕВА

Электричка, словно спичка,
Засверкала на лету
И уткнулась по привычке
В ельник, в снег и в темноту.

А в лесу как сказка — небыль:
Закружив, заворожив,
Сквозь деревья льются в небо
Тихим светом этажи.

Опахнуло жаром щеки:
Паконец у земляка!
Высоко летел, высоко,
Да не смотрит свысока.

Он сейчас доволен, весел.
Нас в гостиную ведет.
Тонем мы в объятьях кресел,
Будто выпал нам полет.

И свою Татьяну кличет,
И выходит к нам она
Добрый, теплым, земляничным
Светом вся полным-полна.

И расспросы первым делом,
Как там, в Вологде, народ
Володеет, холодеет,
Молодеет и живет.

Как там ныне с сеном, с хлебом,
Как охота, как грибы...
Он вздыхает: снова не был,
А хотел, хотел побыть.

Ну, а нам-то, ну, а нам-то
Подавай скорей сполна,
Как летали космонавты,
Как там небо и Луна.

Он зовет к столу, смеется,
Мол, нельзя про все подряд.
Лишь потом, как бы от солнца,
Тихо вспыхивает взгляд.

Этот взгляд, в себя вобравший
Свет распахнутых берез,
Свет развихренных ромашек,
Свет дымящихся борозд.

Свет лица своей любимой,
Свет судьбы своей земной
И России свет лавинный,
Будто свет души самой.

Этот взгляд столкнулся дерзко,
Прошибая мрак вразброс,
С ледяющей черной бездной
И кинжальным блеском звезд.

И не дрогнул!..

По обычен

Ровный голос земляка.
Удивительно: величье
Видно лишь издалека.

Скромн облик человека,
А в ушах ракетный гул,
Что взметнул страницу века
И ее перелистнул.

...Мы размашисто гостюем,
Рад бы так — нельзя ему
В тренировочном костюме
Даже здесь, в своем дому.

И пора прощаться с нами:
Вон и звезды уж зажглись,
Потайными письменами
Снова вычертили высь.

И мерцают в ветках зяблых,
В темной плоскости окна
И в нетронутой — ни капли —
Рюмке красного вина.

За окном всю ночь кипело,
Стих наутро снегопад.
Всюду стаи белых белок
На еловых ветках спят.
А вздохнут во сне деревья,
Белки ухнут с высоты,
Распушив широковежно
Серебристые хвосты.
И в падении истают,
А осыплются вразлет
Лишь морозные кристаллы
Ослепительных высот.
И меня окатит свежесть,
Будто молодости вихрь.
Улыбнусь я и утешусь
В долгих горестях своих.
На себя взгляну иначе,
Подведу в душе черту:
Все, что важно, обозначу,
Что не важно — отмету.
И в игре теней и света,
Как бы ни были близки,
Вспомню тех, кого уж нету,
Здесь впервые без тоски.
Вспомню в первый раз без боли
И почувствую, что сам
Переполнен весь любовью
К людям, к миру, к небесам.

Меж ушедших и живущих
Я — единое звено.
Счастлив я, что в мире сущем
Мне еще любить дано...
Снег горит на косогоре,
И прозрачно стынет тишь.
Идалека слышен говор
И поскрипыванье лыж.
Жду. Смотрю. Проходят двое
И уводят за собой
Что-то чистое такое,
Будто полдень голубой.
Я шепчу им вслед: счастливо!
И скрываются они.
Плещут солнечные ливни
В потайные две лыжни.

Тревожно, и сладко, и грустно
Звенят шадо мною опять
Березы — зеленые гусли,
И сердце ничем не унять.

Дивлюсь сам собою: откуда
Во мне эта древняя грусть?
И солнцу, как рыжему чуду,
Задумчиво поклонюсь.

Мне хочется землю ворочать,
Парную и тяжкую, всласть
И в борозду поздней ночью
От устали навзничь упасть.

И тянет у заводей диких
Костры распалить веселей,
На палках, как будто на пиках,
Поджаривать сизых язей.

Сидеть по-язычески строго
И, к сердцу приставив ладонь,
Глядеть на косматого бога —
На этот всеильный огонь.

И сам понимаю, что странно,
И я не такой уж чужак,
Но хлынут весною туманы,
И хочется именно так.

Земля отцов и дедов, та земля,
Где кустики ольховые в межполье,
Дала мне все, ничем не обделя:
Ни радостью, ни гордостью, ни болью.
А под ногами глина, да песок,
Да попережку скудные подзолы.
Но первый для меня ржаной кусок
Взращен на этих пашнях невеселых.
А под окошком серый журавель —
Из всех домашних птицы нет домашней —
Мне доставал, чтоб рос и здоровел,
Воды, бегущей из-под этих пашен.
А надо мной в морщинках потолок,
Как будто материнские ладони,
Чтоб просыпаться я без страха мог
И чтоб навек запомнил все родное...
Без этих ольх, что скромно так цвели,
Без этих глин, что в детстве мы месили,
И без любви к углу такой земли
Откуда взяться и любви к России?
Вот почему березы для меня,
Да и для всех отзывчивых и чутких
Белеют всюду, словно письма
Далеких предков, свернутые в трубки.

4

СЕВЕРЯНОВНА

ПОЭМА

1

Погода нас натешила:
Ох, были кутежи!
Февраль косматым лешим
За ельники бежит.
И яснится, яснится
У меня взгляд.
И на сердце, на сердце
Капли летят.
Вытаивает снова
Прежняя грусть.
Тревожно, ознобно
К милой рвусь.
Она за дальним волоком,
За Кубеной-рекой.
А волок — синим облаком:
Дороги — никакой.
Подождать погоды
Хотя б чуть-чуть,
Когда, пароходы
Рванутся в путь.
Но не могу иначе,
Прости, родимый дом!
Гостинец в сумку прячу —
И в ростопель пешком.
Дорога еле брезжит:
Ельник кругом.
Луна, что глаз медвежий
С тучкой — бельмом.

Встань на дорогу
И сам медведь —
Смогу ей-богу
Сшибить, одолеть.
Лечу, метелью —
Не тяжело!
Кончился ельник,
Смотрю — рассвело!
Смотрю ошарашенно:
Лежит за бережком
В золотом шалашике
Солнце колобком.
И сразу здешним жителям
Кричу издалека:
— Не это ли, скажите,
Кубена-река?
— Да, — отвечают, — Кубена.
Ах, наконец опа!
Как будто я пригубил
Сельповского вина.
— Еще скажите: как бы
Перебраться мне?
— Да он в уме ли, бабы?
Право, не в уме.
Смотри-ко, водополища
Вон какая прет,
И трещит, и колется
На Кубене лед... —
Я говорю, не дрогнув:
— Вернуться не могу.
— Ты что, оставил дролю
На том берегу?
— Оставил и тоскую,
Надо позарез!
— А мы найдем другую,
Оставайся здесь.

На нашей речке-матушке
Сахарно живут.
Привадушки-повадушки,
Ой, какие тут!
Здоровые да чистые,
Долгой красоты.
Кто был — никто не выстоял,
Так выстоишь ли ты?.. —
И смотрят завлекательно,
Лукаво брови гнут,
Теплом меня окатывают
Несколько минут.
Я чувствую: сгораю
На стылом берегу.
И твердо повторяю:
— Остаться не могу! —
Они как будто сердятся:
— Ну что ж, бреди,
Да только сердце,
Смотри, не застуди... —
Эх, кубенская, быстрая,
Надлёдная вода,
Ты помоги мне выстоять —
Сама молода.
Скольжу неуверенно,
Холодею весь,
Разводья меряю
То там, то здесь.
Куда ни тронусь,
Как на беду —
Уже по пояс,
А все ж бреду.
Боязно, страшно
И глянуть вниз.
Женщины машут:
Парень, вернись!

Не воротиться,
Была не была!
Сумка с гостинцем.
Смотрю, поплыла.
Материн сладкий
Пирог — ко дну,
И сам я слабую,
Тону, тону.
Руки в ссадинах...
Только вдруг
Вижу спасательный
Красный круг.
Бросил колышек —
И вперед.
Ах, это солнышко
Там плывет.
Кажет льдины
На глубине,
Вьют золотые
Веревки мне.
Хватаю, верю,
Совсем огруз.
Но рядом берег.
Ольховый куст.
И, чуть не погубленный
В яростном льду,
Счастливый, за Кубеной
Утром иду.
Сияет березник,
Сияет сосняк.
Сияет облезлый
Мелькнувший беляк.
Сияет и щепка,
Которую пнул.
От Кубены крепкий
Доносится гул.

Во рту пересохло,
Бегом, бегом.
И вот невысокий
С перильцами дом!
И стукнули дверцы,
И, смятена,
Наконец-то
Она, она!
И не выговорить —
Тишина...
И озаренье
Ее лица
В тени деревьев,
В тени крыльца.

2

Постлала скатерть новую
(Честь-почесть дорогà),
Льняную, отбеленную
На мартовских снегах.
Захолодало заново
От скатерти в дому.
— Зови-ко, Северяиовна,
Матушку саму.
Я за тобою? Чуешь? —
И, перепав в лице,
В моих руках качнулась,
Как в золотом кольце.
Мать выплывает, вострая.
Мы — порознь второпях.
Но наша тайна — господи! —
Пылает на губах.
Все видит — что расспрашивать!
О, взгляды матерей!

— Я вот за дочкой вашей...
— Да вижу, что за ней... —
И села — плакать хочется,
Да надо перемочь.
— Согласна ли ты, доченька?
— Согласна, — шепчет дочь.
Платок поспешно вынула
И скомкала в горсти.
— Ну, что ты плачешь, милая!
— Да плачется, прости... —
Давно ли дочка прыгала
С веревочкой в руках?
Давно ль рассталась с играми
На невских берегах?
В то лето предвоенное
Так молодо жилось:
Невой росисто веяло
Средь радуг и берез.
Ну, мама, мама, надо ли?
Но там у мамы взгляд.
Расстрелянные радуги
Осколками свистят.
И там вот эта девочка,
Блокадное дитя,
К ней снова жметя немочно
В седых очередях.
И, как травинка, падает
У мамы за спиной,
Когда везут по Ладоге,
По нитке ледяной...
Не выжить ей, наверное,
Когда б за черным льдом
Не опахнуло севером.
Снегами, а потом
Дымками, замелькавшими
В толкучке тупика,

И кашей, ложкой каши,
И кружкой кипятка,
И паром, раскатившимся
Во множество колец.
И днем, и возвратившейся
Жизнью наконец...
— Ну, мама, мама, надо ли? —
Мать поднимает взгляд —
А на ресницах радуги
Размывчато горят.
Певучая скворечня
Сверкает у окна.
И старость тем утешена,
Что молодость красна.
Летает, ходит рядышком,
Свои пути торит...
Глядит пытливо матушка
И тихо говорит:
— Любовь делите поровну —
Пусть будет дорога,
Пусть льется речкой полною
В годах, как в берегах.
По верности — достойная
Тех, кто себя не спас,
Кем пули остановлены,
Направленные в нас.
А красотою равная
Родимой стороне
С березами и травами,
И солнцем на стерне... —
Что прожито — все наново
Идет, листвою сквозя
И рядом Северяновны,
Любви моей глаза.
В нетерпеливых искорках
И от ресниц в тени,

Огромные и близкие,
Придвинулись они.

3

Не было думы —
Да надумали вдруг
Не было времени —
Да стало досуг,
Порепшили ехать
С молодой женой
В заволочье, синее
Гладью водяной.
Выходила на берег,
Говорила мать:
— Надо ей, молоденькой,
Родину казать.
Чтоб на сердце — ясно,
Чтоб в глазах — не дымно,
Чтоб не слой — три слоя
Жизни было видно. —
...Водополь веселая,
Стукнув о борта,
Позади свивается
В белых два жгута.
Волны-то катаются —
Белые кряжи,
А в лицо черемуха
Будто бы пуржит.
Белое-то озеро
Шире широка,
Словно протянувшееся
Утро сквозь века.
В дымку заозерную
Зорче взгляд упрям:

Вычертится Новгород
Из седой зари.
А оттуда в лодках
Дыбом, внахлест
Выгребают молодцы —
Дюжая кость.
А в глазах — полнеба,
В бородах — ветра,
На ремнях с насечкой —
Отблеск топора.
Душу потешили
Эти топоры:
Рублеными молниями
Црянули шатры.
И горели горя
Выше грив лесных,
Будто кашли солнышка,
Луковки на них.
До студена моря —
Во какой размах!
Обживались гости
В белых теремах.
Веял жар застенчивый
В женах молодых,
Свет летел на плечи
От волос льняных.
Этот жар не слабил,
Этот свет не мерк
С добротой, с достоинством,
С верностью навек.
И они рожали
В горницах детей —
Золотое крылышко
Красоты своей.
Сквозь леса, сквозь годы
Тихое на вид,

Все оно летело,
Все оно летит.

...Смотрит Северяновна

В эту даль востро.

И во мне светает:

Чувствует родство.

...Вот на горизонте

В елочный проем

Вилыло Ферапонтово

Каменным костром.

От страстей великих,

Бушевавших в нем,

Сквозь столетья лики

Теплятся огнем.

Взлет певучих линий

В храме одержим

Голубым, малиновым,

Белым, золотым.

А вокруг да около

Сколько люда тут!

Из краев далеких

Едут и идут.

А оттуда, с выси, —

Взгляд и мудр и прям,

Будто Дионисий

Это смотрит сам.

...Долго Северяновна

Бродит в тишине

Видит, видит главное,

То, что видно мне.

И опять над мачтами

Шелестит кумач.

Это что? Не сказка ли

Ткется между мачт?

Это лебедино
Ткется к ряду ряд
Заволочья дивного
Первостольный град.
На плечах — узорочье,
На поясе — вязь.
Зелено и солнечно
Он встречает нас.
И плывут румяные
В сторону дымы.
...Глянь-ко, Северяновна!
Вот и дома мы.
В платье ловком, простеньком.
Очень молодú,
По дрожливым мостикам
С палубы веду.
По тесовой пристани.
Где пенится квас,
Мимо глаз завистливых,
Мимо добрых глаз,
Прямо на дорогу —
Волосы вразлет!
Гляну сбоку —
Свежесть опашнет.
Улыбнется милая,
И в руке легка
Полная и сильная
Жаркая рука.
Мы летим мимо
Домиков в резьбе
По проспекту длинному
В комнату к себе.
В ней в окошке любом
Плавает солнце...
Была бы любовь —
Счастье найдется.

СОДЕРЖАНИЕ

Грани судьбы	5
1	
Мать	9
Полотенце	10
За самоваром	12
Серьезный разговор	13
Болото	16
«Ввинчиваясь в высоту упорно...»	20
Анна	21
Сеновал	23
Поле	25
«У матери старой три сына...»	26
Петухи	27
«Судьба не сладкая — вдовья...»	29
Смотрю опять...	30
Зимнее утро	31
Старая боль	33
Хозяин	36
Дождь	37
«Картонку девушка конает...»	39
Рябины	40
Север	42
«Мы — как дерево пыне...»	44
2	
Телеграммы	47
Африка	49
Улицы	52

«Ты неожиданно и негаданно...» . . .	54
Уроки	56
Ночная сказка	57
Три лета	59
Ель	61
«Свои раздумья темный лес...» . . .	62
Просеки	63
Рубили дерево	65
Тетерев	67
«Над речкой тихой и лесной...» . . .	69
Дума	70
«Имена становятся отчеством...» . . .	72
«Влетела, как сквозняк, повестка...»	73

3

Радуги дней	77
Предок	78
Мед	80
Еня	82
Петр Великий	84
Константин Батюшков в Париже . . .	86
Память	88
21 июня 1941 года	90
Тревога	92
Улица Александра Яшина	96
В гостях у Павла Беяева	98
«За окном всю ночь кипело...»	101
«Тревожно, и сладко, и грустно...» . .	103
«Земля отцов и дедов, та земля...» . .	104

4

Северяновна. (Поэма)	107
--------------------------------	-----

Александр Александрович Романов
РАДУГА ДНЕЙ

Стихи

Редактор А. Москвитин
Художник Б. Косульников
Художественный редактор Б. Шляпугин
Технический редактор А. Сатарова
Корректор Н. Саммур

Сдано в набор 10/VI—1972 г.
Подписано к печати 14/XI—1972 г. А09090.
Формат бумаги 70×90¹/₃₂
Бумага офсетная. Печ. л. 3,75. Усл. печ. л. 4,39.
Уч.-изд. л. 3,76. Тираж 25000 экз.
Заказ № 6837 Цена 49 коп.

Издательство «Современник» Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии, книжной торговли
и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярецевская, 4

Рязанская областная типография.
Рязань, Новая, 69